

О. А. Канышева

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА: РУССКАЯ ИДЕЯ ЛЮБВИ

Вниманию читателя предлагается критическое рассмотрение духовно-нравственного кризиса современной России сквозь призму «философии сердца» — традиции, представленной В. Соловьевым, Н. Лосским, Н. Бердяевым и другими творцами русского религиозного Ренессанса. Автор анализирует идею любви как базовый архетип русской культуры, принцип жизни народной души. Этот принцип сегодня разрушается процессами глобализации и затрудняет или извращает национальную самоидентификацию. Возрождение «русской идеи» и органических начал народной жизни должно начинаться с реабилитации любви к Родине.

Ключевые слова: Россия, родина, любовь, душа, единство, русская идея, архетип, женственность, харизма.

Olga A. Kanysheva

FROM WHAT MOTHERLAND BEGINS: THE RUSSIAN IDEA OF LOVE

The article is a critical review of spiritual and moral crisis of modern Russia through the prism of the «philosophy of the heart» — tradition, represented by V. Soloviev, N. Lossky, N. Berdyaev and other creators of Russian religious renaissance. The author examines the idea of love as the basic archetype of Russian culture, the principle of life of the People's soul. This principle is being destroyed now by globalization which obstructs or perverts the national identity. The revival of the «Russian idea» and principles of organic national life should begin with the rehabilitation of love for the homeland.

Keywords: Russia, homeland, love, soul, unity, Russian idea, archetype, femininity, charisma.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи!

Ф. Тютчев [1, с. 61]

Когда речь заходит о любви как предмете обсуждения, в ответ все смеются и говорят: «Только не о любви к Родине!». Это столь отвлеченная и необъятная тема, что лучше подумать о любви к Другому и даже о половой любви — это, по крайней мере, более осязаемо и конкретно. Действительно, как можно любить Родину? В чем конкретно это выражается? Любить российский флаг или гимн — это фетишизм; любить границы Российской Федерации — это национализм; любить русских как представителей Родины и ненавидеть «черномазых» — это фашизм и т. д. Любая форма конкретной любви к «русскому» и ее проявления вызывают в обществе презрение.

Заявленное стремление к модернизации России и глобальный духовный кризис грозят исчезновением России и русских с лица земли. Здесь обнаруживается проблема уже существующего бескультурья в отношении русских к самим себе. Речь идет о национальном самосознании и о границах его понимания. Когда русский гор-

---

Канышева Ольга Альбертовна — кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гидрометеорологический университет, Российская Федерация, 195196, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр., 98; k-55o@yandex.ru

Kanysheva Olga A. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Russian State Hydrometeorological University, 98, Malookhtinskiy pr., 195196, St. Petersburg, Russian Federation; k-55o@yandex.ru

дится, что едет на Запад, когда русский радуется, что оранжевая принцесса Украины уничтожена, когда русский не изучает и не развивает свою литературу и философию, довольствуясь европейской, — всё это говорит о глобализации и модернизации, уже происходящей внутри нашей Родины.

Пустыня вместо Родины, где никто никого не знает, не видит, живет сиюминутным «хочу» при невозможности «могу», когда половая жизнь начинается уже с подросткового возраста и все считают себя взрослыми только потому, что заглянули в низ Другого, — всё это цинично и пошло.

Сегодня Родина начинается с этого.

Не модернизировать и глобализировать надо, а искать то общее, что объединяет всех нас и является только нашим — тем, что можно было бы назвать «русской идеей». Речь должна идти о самом интимном и сокровенном, что является душой меня и Другого, а значит, и народа в целом.

Итак, необходимо наметить те характерные признаки, которые свойственны только русскому этносу, по которым каждый русский видит в Другом русского, а значит, видит через другого и благодаря ему то, что зовется Родиной. Именно с этого начинается Родина. Эти ценности составляют символ, объединяющий все другие знаки, образ Родины. И. Кант, описывая в своей работе «Антропология с прагматической точки зрения» характеры Европы, говорит об отсутствии характера у русских. Характерные черты должны быть связаны с рефлексивностью народа, т.е. с наличием у него личностных свойств, приобретенных в результате духовного и исторического развития. Что приобрели русские за время своего существования? И можно ли это назвать русским характером? Перечислим некоторые черты русского этноса.

1. С одной стороны, идея наследования Русью имперскости Рима как мировой столицы и державы породила идею «Москва — третий Рим».

2. С другой стороны, существует представление о русской миссии в деле христианизации мира посредством «включения России в мировой церковный и политический процесс» [2, с. 10].

3. Особый тип ментальности русских сказывается на развитии философии, которая чужда абстрактности и рационализации. «Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые м. б. постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [3, с. 73].

4. Самобытность русского определяется художественной литературой, которая решает философские проблемы практического характера, ориентируясь на жизнь.

5. Нельзя не вспомнить о русском подвижничестве как сугубо национальном феномене. К примеру, А. Ф. Лосев так описывает образ жизни Григория Сковороды: «Он бежал земных женщин, он избегал всех земных и телесных радостей, чтобы полностью отдаться одиночеству и в одиночестве наслаждаться любовью “в пречистых объятиях краснейшей паче всех дочерей человеческих сей Божьей дочери”, Библии» [3, с. 80]. Таким подвижником был и Вл. Соловьев, о котором Н. О. Лосский в «Истории русской философии» пишет как о скитальце и аскете.

5. Склад русской души можно охарактеризовать как «философию сердца». Б. П. Вышеславцев говорит о внеправовом русском характере, который отказывает-

ся участвовать в политике и признаёт высшей формой и мерой наказания совесть, как самый реальный механизм регулирования человеческих взаимоотношений. А согласно взглядам Н. Бердяева, сердце есть духовный центр любви, творчества и свободы.

6. Русская любовь отличается от европейской тем, что всегда исходит из сердечного центра, который есть источник интуиции и творчества. «В творческой любви должны обнаружить себя все дары, все харизмы, данные Богом человеку. Дары различны, но Дух один и тот же. Одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различения духов, иному разные языки, иному истолкования языков», — писал Н. Бердяев [4, с. 174].

7. В. П. Большаков называет следующие особенности характера жизнедеятельности русского, которые определяются его ментальностью [5]:

- противоречивость русской культуры, которая сочетает в себе две крайности: государственность — анархизм, мессианство — приниженность, тягу к свободе — ужасающее рабство;
- движение через катастрофы, рывки, аврал;
- женские черты характера русского: терпеливость, пассивность, покорность, склонность легко подпадать под чужое влияние;
- «тяп-ляп» в работе, в отличие от немцев, англичан и американцев;
- равнодушие к вещам, к собственности, свобода от «вещного утеснения»;
- желание побезобразничать, потому что скучно;
- колебание между рабством и диким бунтом своеволия;
- своенравность природы (например, готовность взяться за самое безнадежное дело);
- время для русского — антиценность, так как точность, упорядоченность и последовательность для нас скучны;
- мучения совести обретают у русских характер болезненной бездеятельности, вызывают чувства безвозвратности, непоправимости и тягу «напиться с горя»;
- современная деидеологизация порождает «вакханалию словесной наглости и болтовни»: разрушение табу, порнографию, хулиганство, макулатуру и т. д.;
- смена веков обычно вызывает в представлении русского «конец света» — апокалипсические предчувствия и эсхатологические ожидания: конец XVI в. — великая смута, завершившаяся сменой династии; конец XVII в. — рост апокалипсических ожиданий конца света, явления антихриста; конец XVIII в. — подавление пугачёвского восстания и ожидание «Белого Царя», распространение масонства и мистицизма; конец XIX в. — «Всюду невнятица, / Сон уж не тот. / Что-то готовится, / Кто-то идет», — пишет Вл. Соловьев;
- Вл. Соловьев выдвигает философию всеединства, учение о Богочеловечестве, идею соборности как сугубо русскую задачу на будущее;
- на деле русские строят под руководством В. И. Ленина новое государство СССР, где воплощаются ценности коммунизма как утопии, превратившейся в систему тоталитаризма.

Итак, кратко окинув взглядом историю идей, мы видим, из чего складывается представление о «русском», или о том, «с чего начинается Родина». Прочитанное

и понятное вызывает пессимизм не меньший, чем сегодняшнее состояние культуры и образования. Действительно, хочется все бросить на самотек и просто напиться. Однако необходимо оттолкнуться от вышесказанного и занять позицию оптимиста, сосредоточившись на решении проблем. Осмысление и осознание опыта открывает перспективу развития самосознания через волевое решение жить дальше, которое означает не просто существование, а смысловую самореализацию.

Что более всего волнует русского здесь и сегодня? Это:

- сексуальная вседозволенность в Интернете, в метро, в рекламе;
- суицидальные склонности подросткового возраста;
- ЕГЭ вместо нормального экзамена, особенно по гуманитарным дисциплинам;
- исчезновение русского классического кинематографа и дефицит доброты в мультфильмах;
- понижение грамотности русской речи в тексте и на улице;
- преобладание мата над русским словом;
- неуважение к разным социальным возрастам и этносам;
- нечестность при оплате труда, в торговой сети и общая система финансирования государственных работников;
- навязывание рекламы с экранов телевидения, в метро и на улице;
- снижение качества образования;
- разрушение семьи, гомосексуализм, лесбиянство, педерастия и т. д.;
- беспринципность, отсутствие феномена совести, исчезновение из читаемых курсов этики, этикета, эстетики и т. д.

Все это и многое другое говорит о духовных проблемах, стоящих перед российским обществом, и о необходимости искать пути их решения. «Итак, природа предназначила нам стоять ниже животных, чтобы тем самым особенно наглядно обнаружить чудеса, какие способны делать *воспитание*, которое одно поднимает нас над их уровнем и, в конце концов, дает нам превосходство над ними» [6, с. 198].

Можно сказать, что до этого момента мы описывали природные качества «русского» — то, что И. Кант назвал бы темпераментом. Кто же мы: меланхолики, сангвиники, флегматики или холерики? Судя по пессимизму — мы меланхолики, по авральности — мы холерики, по равнодушию ко времени — мы флегматики, а по бегству от скуки и хулиганству — мы сангвиники. Судя по неопределимости темперамента, мы — безумные. «Безумец не явлен зримо в своем бытии; очевидность и несомненность его обусловлена тем, что он — *другой*» [7, с. 192]. Не зря русские приглашали правителей, начиная с Рюриков, из Европы. Безумие как болезнь Духа описана Вейкхардом в 1790 г. следующим образом:

«I — Болезни духа.

- 1 — ослабленное воображение;
- 2 — живое воображение;
- 3 — рассеянное внимание;
- 4 — упорная сосредоточенность на одной мысли;
- 5 — ослабление памяти;
- 6 — нарушения способности суждения;
- 7 — глупость, замедленность мысли;
- 8 — необычайная живость и непостоянство мысли;

9 — бред.

II — Болезни чувств.

1 — возбуждение: заносчивость, гнев, фанатизм и т. д.;

2 — депрессия: грусть, зависть, отчаяние, самоубийство, “придворная болезнь”» [7, с. 204].

Болезнь Духа нации выражается в том, что она не в состоянии занять должное место в мировом историческом процессе, что порождает *манию* (бред без горячки, неразумные речи) славянофилов и западников относительно того, что она не любит самоё себя, а это приводит нацию к *меланхолии* (непреодолимая грусть, мрачное настроение, мизантропия, склонность к одиночеству), ибо она не в состоянии подняться до саморефлексии из-за отсутствия внутренней свободы, что говорит о ее *слабости* (расстройство памяти и способности понимания). Но как пишет Мишель Фуко: «Душа безумцев — не безумна». Душе не достает воздуха, окна ее заколочены...

Россия — это не просто баба, как пишет Н. Бердяев, это — влюбленная женщина, а «“женщина, которая любит, как женщина становится еще больше женщиной”, — говорит Ницше» [8, с. 226]. Неосуществленная любовь женщины превращается в богоискательство как сублимацию неосуществленной любви. «Зацепиться» за вечное, надежное, за того, кто тебя никогда не обманет и не предаст, кто всегда будет рядом, — за Бога. Иногда Бог и мужчина совпадают для женщины. В этой нереализованной любви она впадает, говоря словами Симоны де Бовуар, в «апофеоз своего самолюбования». Русская пассивность, заключенная в желании видеть себя объектом желания, превращается в преданность, самоотдачу душой и телом без всяких самоограничений, в утерю свободы, одним словом — в мазохизм. «Мазохист прекрасно может ползать на коленях, показывать себя в смешных, нелепых позах, позволять использовать себя как простое неодушевленное орудие; именно для другого он будет непристойным или просто пассивным, для другого он будет принимать эти позы; для себя он навсегда осужден отдаваться им» [9, с. 578–579].

Пассивность мазохизма и готовность превратиться в объект для Другого есть русская черта. Возможно, на языке психоанализа это означает ущербность русского характера, но на языке этики такая характеристика будет представлять собой альтруизм, как противоположность эгоизма. Русские мыслители конца XIX — начала XX в., рассматривая западные подходы к вопросу о том, «в чем смысл любви», приходят к прямо противоположным выводам. Они указывают на биологизаторскую сущность концепций А. Шопенгауэра, О. Вейнингера, З. Фрейда, которые видят сущность и смысл любви в половом инстинкте, в то время как Н. Бердяев, В. Розанов, В. Соловьев настаивают на одухотворяющей и преобразующей силе любви. Сам факт создания П. Сорокиным в феврале 1949 г. Гарвардского исследовательского центра по креативному альтруизму говорит о духовной вере в креативные божественные свойства любви. Россия видит любовь в процессе сублимации полового чувства, в то время как Запад в 1930 г. в лице В. Райха говорит о «сексуальной революции» как разоблачении культуры, вытесняющей половой инстинкт в сферу бессознательного, и провозглашает половую свободу [10, с. 258–261].

Русская традиция философствования в 1917 г. была прервана, ее сменила философия марксизма-ленинизма, опиравшаяся на научный подход в определении смысла любви. А. Коллонтай развивает теорию половой любви, сравнивая сексуальное желание с жадой, удовлетворить которую так же легко, как выпить стакан воды.

Возможно, духовный кризис современной России связан с прерыванием русской философской традиции, которая в XIX в. показала свою духовную мощь. Идеология СССР формализовала философствование, создав на уровне философских факультетов и кафедр философских дисциплин плагиат марксизма-ленинизма, который русскую философию представил как что-то инородное советской культуре. И сегодня мы пожинаем плоды советского воспитания.

Актуальная в современном мире тема толерантности созвучна идее соборности в русской традиции; ООН провозглашает сегодня концепцию устойчивого развития, а в русской традиции В. И. Вернадским было предложено учение о ноосфере [11, с. 159–178]; европейская культура переживает кризис научного знания, связанный с отрывом цивилизации от природы, в то время как в русской традиции природа и социум находятся в органическом единстве. Одним словом, необходимо вернуться к истокам русской культуры и, вобрав все ценные и актуальные для современности элементы русской традиции, начать культивировать их через систему образования.

Душа народа — его язык, который содержит опыт предшествующих поколений, дает возможность увидеть *архетипы русской духовной культуры*. Подвергнув анализу песню «С чего начинается Родина?» на стихи М. Матусовского из кинофильма «Щит и меч», мы обнаружим ряд скрытых в тексте архетипов.

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.

А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.

С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой березки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растёт.

А может, она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги проселочной,
Которой не видно конца.

С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской буденовки,
Что где-то в шкафу мы нашли.

А может, она начинается
Со стука вагонных колёс
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своём сердце принёс.

С чего начинается Родина?..

Всё, что ценно лично для меня, важно и для всех, живущих рядом со мной.

Три архетипа русской культуры воплотились в трех цветах русского флага: *Белом, Синем, Красном*, — что означает в другой плоскости интерпретации *Надежду, Веру и Любовь*.

Исихастская традиция, представленная в пяти томах «Добротолюбия», создавая и изображая духовного человека как внутреннего, живущего наряду с телесным, описывает путь его постижения через восхождение по ступеням надежды, веры, любви, среди которых любовь важнее всего. Эти архетипы оказывают влияние на русскую философию, которая, по словам А. Ф. Лосева, отличается от европейской философии тем, что связана с действительной жизнью, проблемы которой исследуются в художественной литературе в творчестве Жуковского, Гоголя, Тютчева, Фета, Толстого, Достоевского, Горького. «И эти проблемы разрешаются здесь т. о., что непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто “литературными” или “художественными”, но и философскими и гениальными» [3, с. 73]. Русская философия «дологична», «досистематична» или «сверхлогична», «сверхсистематична», она направлена на раскрытие, воплощение русских духовных ценностей — архетипов надежды, веры, любви — в непрекращающейся борьбе «между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень *постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом*» [3, с. 78].

«*Архетип любви*» является центральным в русской духовной культуре и раскрывается в творчестве различных мыслителей. Вл. Соловьев пишет о том, что любовь — это не чувства, а дела, на которые толкает нас нравственный закон. «Вопреки своему эгоизму никакое существо не может устоять в своей деятельности: неодолимою силою влечется оно и тяготееет к другому и только в связи со “всеми” находит свой смысл (Логос, Разум) и свою истину. Этот всеобщий смысл, который есть то, что истинно есть, проявляется прежде всего в законе всемирного тяготения, образующего вещественную солидарность мира» [12, с. 75].

Н. О. Лосский полагает человека сверхпространственным и сверхвременным субстанциальным деятелем, абсолютно индивидуальным согласно своему образу Божию, обнаруживающим благодаря интуиции связь личностей друг с другом через «непосредственное восприятие познающим субъектом не только своих чувств и хотений, но даже и предметов внешнего мира в подлиннике, т. е. не посредством субъективных образов, символов или конструкций нашего рассудка, а так, как они действительно существуют во внешнем мире» [13, с. 30]. Любовь, по Н. О. Лосскому, есть нерасторжимая бытийственная (онтологическая) связь, которая присоединяет любимое нами лицо во всем его индивидуальном своеобразии к нашей собственной жизни.

С. Н. Трубецкой пишет о том, что любовь для человека есть нечто врожденное. «Она не образуется внешним образом и не может быть результатом индивидуального усилия человека. Она зарождается в нем сама собою и растет, если ее не заглушают» [14, с. 94].

Русская идея любви представляет совершенную любовь через единство «всех в одном», «сознание всех в себе и себя во всех», через тайну взаимовключенности элементов мира, их имманентности друг другу, через «усмотрение идеальной целостности мира», через взаимное приятие индивидуальностями друг друга, через творче-

скую силу причины, через единосущие, открывающееся (благодаря интеллектуальной интуиции) умозрению, мышлению, — а сама эта способность и есть разум.

В завершение хочу привести слова Вл. С. Соловьева, который предостерегает: «Наша воля стремится к господству вместо единения, ум наш вместо разума всеединого сущего предается произвольным рассуждениям о бесконечно многих предметах; наконец, наша чувственная душа вместо оживотворения материи духовными силами стремится только к бессмысленному наслаждению материей» [12, с. 67].

Литература

1. *Тютчев Ф. И.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1984. 495 с.
2. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Парадигма русской философии истории // Очерк русской философии истории. М.: ИФ РАН, 1996. 313 с.
3. *Лосев А. Ф.* Русская философия // Страсть к диалектике: литературные размышления философа. М.: Советский писатель, 1990. 380 с.
4. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
5. *Большаков В. П.* Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2002. 192 с.
6. *Ламетри Ж. О.* Человек-машина // Сочинения. 2-е изд. М.: Мысль, 1983. 509 с.
7. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
8. *Сартр Ж. П., Бовуар С. де.* Аллюзия любви. М.: Алгоритм, 2008. 240 с.
9. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. 639 с.
10. *Каньшиева О. А.* Теории о сущности полового чувства: Европа и Россия // Философские традиции России и современность: материалы Междунар. науч. конф. 18 ноября 2011 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 311 с.
11. *Каньшиева О. А.* Экология любви и пути ее спасения в русском космизме // Труды экономического и социального факультета. Вып. 3. СПб.: Изд-во Российского государственного гидрометеорологического университета, 2010. 280 с.
12. *Соловьев В. С.* Духовные основы жизни. СПб.: Магик-Пресс, 1995. 145 с.
13. *Лосский Н. О.* Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М.: Прогресс, 1992. 207 с.
14. *Трубецкой С. Н.* О природе человеческого сознания. Внутренний анализ сознания // Антология феноменологической философии в России: в 2 т. Т. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 527 с.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2013 г.